
Протоиерей Дмитрий Кирьянов

**Как возможен сегодня диалог науки и богословия?
Рецензия на книгу: Nesteruk A. V. The Universe
in the Image of Imago Dei: The Dialogue Between Theology
and Science as a Hermeneutics of the Human Condition.
Eugene, OR, Pickwick Publications, 2022. 326 P. 9781666711233**

УДК [001:27-1]:655.552
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_292
EDN RGERIC

Аннотация: Развитие естествознания в XX столетии, в частности, космологии, дало новый импульс для его взаимодействия с богословием. Величественная картина Вселенной, которую раскрывает нам современное естествознание, требует богословского и философского осмысления. Это осмысление осуществляется человеком как носителем образа Божия в контексте понимания его места в мире как творении Божиим. Таким образом, диалог между богословием и наукой представляет собой сложное взаимодействие двух феноменологических перспектив, осуществляемое в рамках открытой философской герменевтики.

Ключевые слова: наука и богословие, герменевтика, богословская антропология, космология.

Об авторе: **Протоиерей Дмитрий Викторович Кирьянов**

Кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент Тобольской духовной семинарии.

E-mail: frdimitry@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7962-2360>

Для цитирования: Кирьянов Д., прот. Как возможен сегодня диалог науки и богословия? Рецензия на книгу: Nesteruk A. V. The Universe in the Image of Imago Dei: The Dialogue Between Theology and Science as a Hermeneutics of the Human Condition. Eugene, OR, Pickwick Publications, 2022. 326 P. 9781666711233 // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (24). С. 292–306.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

Archpriest Dmitry Kiryanov

**How the Dialogue Between Science and Theology is Possible Today?
Book Review: Nesteruk A.V. *The Universe
in the Image of Imago Dei: The Dialogue Between Theology
and Science as a Hermeneutics of the Human Condition.*
Eugene, OR, Pickwick Publications, 2022. 326 p. 9781666711233**

UDC [001:27-1]:655.552

DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_292

EDN RGERIC

Abstract: The development of natural science in the 20th century, in particular cosmology, gave a new impetus to its interaction with theology. The majestic picture of the universe that contemporary natural science reveals to us requires theological and philosophical comprehension. This comprehension is carried out by man as a bearer of the image of God in the context of understanding his place in the world as God's creation. Thus, the dialogue between theology and science is a complex interaction of two phenomenological perspectives, carried out within the framework of open-ended philosophical hermeneutics.

Keywords: science and theology, hermeneutics, theological anthropology, cosmology.

About the author: **Archpriest Dmitry Viktorovich Kiryanov**

Candidate of Theology, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Tobolsk Theological Seminary.

E-mail: frdimitry@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7962-2360>

For citation: Kiryanov D., archpriest. How the Dialogue Between Science and Theology is Possible Today? Book Review: Nesteruk A.V. *The Universe in the Image of Imago Dei: The Dialogue Between Theology and Science as a Hermeneutics of the Human Condition.* Eugene, OR, Pickwick Publications, 2022. 326 p. 9781666711233. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (24), pp. 292–306.

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вопрос о взаимоотношении веры и разума, научного и религиозного мировоззрений является одной из важнейших тем христианской апологетической мысли. Несмотря на обилие литературы, посвященной проблематике диалога науки и богословия, найдется сравнительно немного работ, посвященных пониманию того вклада, который в этот диалог может внести православное богословие. В связи с этим представляется весьма ценной публикация книги профессора Портсмутского университета А. В. Нестерука «Вселенная по образу образа Божия: диалог между богословием и наукой как герменевтика человеческого состояния». А. В. Нестерук является одним из ведущих специалистов в области диалога науки и православного богословия, организатором и участником многих международных проектов в этой области, таких как многолетний проект «Science and Orthodoxy around the World» (<https://project-sow.org/>).

На протяжении многих лет профессор Нестерук разрабатывает свой подход к пониманию того, как возможно осуществление диалога современного естествознания и православного богословия. В предисловии автор акцентирует внимание на трех основных компонентах любого христианского богословского и философского дискурса — Бог, тварный мир и человечество, подчеркивая, что целостное мировоззрение должно включать в себя космологию, антропологию и христологию: «Сказать, что вселенная дана по образу человечества (т.е. по образу образа Божия) является равнозначным тому, чтобы сказать, что образ самого человечества может быть виден только через призму его существования в той вселенной, которая может вместить воплощенного Христа»¹. В то время как православное богословие подчеркивает эпистемологическую центральность человечества, современные научные дисциплины рассматривают человека просто как один из продуктов космической и биологической эволюции. Автор акцентирует внимание на том, что асимметрия между жизнью и наукой формирует «экзистенциальную преданность» диалога. По мнению А. Нестерука, эта преданность подразумевает необходимость прояснения когерентности между человеческой рациональностью и рациональностью космоса, которые лежат в основании наук. Существенное свойство подхода автора состоит в том, чтобы подчеркнуть, что богословие и наука являются делом одного и того же человека, а потому невозможно никакое экзистенциальное отделение или противоречие между ними. Проясняя специфику православного подхода к диалогу между наукой и богословием, автор отстаивает позицию, что данный диалог может рассматриваться как «телеологическая деятельность без онтологически достижимой цели, таким образом представляя де факто открытую герменевтику человеческого состояния»². С одной стороны, автор убежден, что космология посредством диалога с богословием вносит вклад в открытую герменевтику человеческого состояния. Но поскольку понимание Вселенной происходит изнутри феномена человека, между богословием и наукой существует

¹ *Nesteruk A. V. The Universe in the Image of Imago Dei: The Dialogue Between Theology and Science as a Hermeneutics of the Human Condition.* Eugene, OR, Pickwick Publications, 2022. P. XI.

² *Ibid.* P. XIII.

экзистенциальная асимметрия. Эта асимметрия приводит к тому, что диалог между наукой и богословием фактически является диалогом «между двумя феноменологическими структурами в одном и том же субъекте: с одной стороны, видением своей собственной жизни как обусловленной физической вселенной, и, с другой стороны, восприятием этой жизни как имеющей свое трансцендентное начало в Божественной Жизни»³.

Будучи многолетним участником диалога науки и богословия, автор начинает введение с довольно пессимистичного вывода, что существующий диалог не достиг никаких результатов, которые повлияли бы и на науку, и на богословие. И хотя сам тезис автора можно рассматривать скорее как приглашение к дискуссии, нежели как неоспоримый вывод, А. Нестерук видит основную причину неудач подобного диалога в том, что любые суждения в отношении его характера не имеют экзистенциальных следствий: «проблема нахождения “общего” основания науки и богословия остается и ее постоянное присутствие указывает на нечто фундаментальное и неизбежное в человеческом состоянии»⁴. По мнению автора, проблема заключается в том, что существует фактическая несоизмеримость науки и богословия, которая приводит к тому, что богословию остается только осуществлять «интроспекцию в отношении науки, проводить определенную критику науки с позиции, которая по определению выше и вне не только научного мышления, но и секулярного мышления, связанного с конкретными социально-историческими и экономическими реалиями»⁵. Таким образом, предполагаемая симметрия между теологией и наукой нарушается в самом начале, поскольку сам вопрошающий разум человека выносится за скобки научного описания, но является существенным в артикуляции богословия. В своем подходе А. В. Нестерук подчеркивает необходимость «богословской преданности», выражающейся в том, что статус человечества находится выше того, что может быть открыто посредством науки. Эти смыслы проистекают не из опыта естественных наук, а из «врожденного стремления людей к бессмертию, к общению с необусловленным личностным основанием мира и жизнью, что человечество называет Богом»⁶.

Соответственно, любой диалог, по мнению автора, должен исходить из экзистенциальной преданности. Однако проблема большинства существующих форм диалога заключается в том, что они адаптированы к подходу ученых, которые сомневаются в какой-либо ценности богословской мысли. В результате диалог оказывается не более чем реакцией на атеизм, зачастую являясь неубедительной попыткой оправдать сам факт такой реакции. Автор полагает, что проблемы взаимоотношения науки и богословия свидетельствуют о существенном отличии двух отношений к жизни в одном и том же человеке: наука рассматривает человека как физический организм в категориях пространства и времени, а богословие ставит человека в центр понимания Вселенной. Это разделение между двумя отношениями, которое человечество пытается примирить, свидетельствует о том, что люди не сводимы исключительно к их

³ Ibid. P. XIII–XIV.

⁴ Ibid. P. 1.

⁵ Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 18.

физическому и биологическому существованию. Сам факт диалога подразумевает трансцендентность и, таким образом, асимметрию между богословием и наукой⁷. Вследствие этого диалог между наукой и богословием возможен только когда и богословие, и наука рассматриваются как представляющие различные модальности отношения между человечеством и Божественным.

Первая часть книги «Человечество как центральная тема диалога между богословием и наукой» посвящена рассмотрению антропологической проблематики, подчеркивая, что ввиду радикальной непознаваемости человечества феномен человечества становится центральной темой диалога между наукой и богословием. Смысл этого диалога видится в раскрытии герменевтики человеческого состояния.

В первой главе «Диалог между богословием и наукой: его смысл и философские основания» автор ставит вопрос, почему само соотнесение богословия и науки требует философского прояснения. Автор проводит различие между наукой и богословием на основе демаркации модусов данности, что подчеркивает различие между онтологией наук (физическая субстанция и биологические формы) и онтологией событий (в богословии). Автор отмечает, что постулирование опыта Божественного вне материальных условий представляет веру без разума, экзистенциальный и сотериологический смысл которой остается туманным. С другой стороны, любой физический редукционизм в понимании человека также ошибочен без обращения к богословию творения человека по образу Божию, т.к. именно понимание человека стоит за рамками всех научных представлений о Вселенной и это понимание ответственно за различие и демаркацию между богословием и наукой.

В первой главе автор начинает с объяснения того, почему отношение между понятиями в диалоге богословия и науки не может быть симметричным. Во-первых, автор подчеркивает, что зачастую участники современного диалога науки и богословия рассматривают их с некоторой внешней для обеих дисциплин эпистемологической точки зрения, имплицитно предполагая, что богословие и наука находятся в симметричном отношении. По мнению Нестерука, некритичное допущение такого «общего деноминатора» приводит либо к серьезным конфликтам между богословием и наукой, либо к попыткам их примирения без ясного указания на их различия⁸. Любой диалог науки и богословия должен акцентировать внимание на том, что богословие и наука имеют источником одно и то же человечество, но говорят различным образом о сущности существования, какое испытывает человечество в своей жизни. Любая попытка совмещения языков богословия и науки приводит либо к конфликту между ними, либо к попытке их наивного примирения. Это означает, что богословие и наука нуждаются в некоторой посреднической роли в понимании эпистемологической природы богословских и научных суждений, иначе говоря, «диалог должен стать философским для того, чтобы сформулировать различия между богословием и наукой на экзистенциальных основаниях»⁹. Будучи многолетним участником диалога между богословами

⁷ Ibid. P. 6.

⁸ Ibid. P. 31.

⁹ Ibid. P. 33.

и учеными, автор подчеркивает, что причиной отсутствия видимого прогресса в диалоге является недостаток философской ясности. Богословы справедливо указывают на то, что смысл и оправдание науки или «ее случайной фактичности имеет своим началом особое положение человечества в творении, полностью описываемое понятием образа Божия»¹⁰. Асимметрия между богословием и наукой предполагает, что в любом диалоге между ними необходим тщательный анализ того, как эти две формы представления реальности в одном и том же человеческом состоянии существуют в столь различных формах. Поэтому автор выражает согласие с В. Панненбергом в отношении того, что философия должна быть «интеллектуальным инструментом в описании целостности личного существования, из которого возникают и богословие, и наука»¹¹.

Как известно, научные исследования по своей форме избегают проблемы присутствия человека как центра раскрытия и манифестации Вселенной. С одной стороны, такое вынесение человека за скобки позволяет утверждать объективность научного знания. С другой, однако, становится не вполне понятным, почему наука как деятельность человеческого субъекта вообще позволяет достичь объективного знания. Однако вопрос о том, почему наука возможна, учеными зачастую не ставится вообще. И если в практике науки можно вполне обойтись без ответа на этот вопрос, то в области междисциплинарных исследований, таких как богословие и наука, пренебрежение философской ясностью в отношении интеллектуального поведения является недопустимым.

Богословие, будучи экзистенциальным и связанным с опытом человеческого существования посредством общения с Богом, получает наиболее ясное выражение в тех линиях философской мысли, где человечеству определяется центральное эпистемологическое положение во Вселенной. Таким образом, существует внутреннее разделение между научным исследованием мира и его пониманием исходя из феноменальности жизни как общения. Автор стремится показать, что различие между научным и религиозным опытом жизни, выраженное философски, может продемонстрировать асимметрию и объяснить, почему диалог между наукой и богословием невозможен в тех эпистемологических рамках, в которых он обычно осуществляется.

Одну из проблем трудности диалога автор ставит, задавая важный вопрос: «Почему кто-либо должен принимать в рассмотрение физические идеи в христианский контекст, когда занимается изучением и разработкой богословия?»¹² В таких случаях обычно подчеркивается, что богословие имеет дело с особенностью человеческого существования, мистическим опытом, литургической жизнью Церкви и т. д. Однако простой эмпирический ответ на этот вопрос определяется возможностью существования воплощенных носителей богословия, т. е. людей. Иначе говоря, для того, чтобы богословствовать, необходимо иметь физические и биологические условия существования богословов, условия, которые укоренены в характеристиках космоса. Таким образом,

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 34.

¹² Ibid. P. 39.

космология и другие науки выражают необходимые, но не достаточные условия возможности богословия. Отсюда следует, как отмечает А. Нестерук, что любое богословское суждение, выражающее опыт Божественного, содержит истину о мире как таковом.

С другой стороны, если скептически мотивированный ученый задаст вопрос: «Нужно ли богословие для физики?», ответ будет отрицательным. Физика изучает Вселенную, не задавая вопроса о ее случайной фактичности, т.е. она не ставит вопросов о прояснении достаточных оснований, ответственных не только за результаты физических законов, но также самой возможности знания Вселенной человеком. Это приводит автора к суждению, что любое космологическое видение мира является имплицитно связанным с богословием, поскольку «основано на божественном даре веры в реальность благого творения Благого Бога»¹³. Далее автор анализирует различие между пониманием данных в науке и богословии, подчеркивая, что богословие, в отличие от философии и наук, имеет дело с событиями, избегая онтологических суждений о том, что является метафизически невозможным, и задает вопрос: «как опыт общения с источником и существования, и жизни возможен в условиях, когда дискурсивный разум сомневается в его возможности на основании физической конечности людей?»¹⁴ Богословие как опыт Бога возможно, поскольку люди имеют способность *pous*, т.е. способны соотносить фактичность их собственного существования с Богом. Если философия и наука интерпретируют вещи только в меру того, что они видят в них естественное, богословие имеет дело с тем, что превышает пределы природы. Отсюда возникает закономерный вопрос: может ли естественное формирование развить желание иметь доступ к чему-то, что не может быть достигнуто в пределах этой природы? А. Нестерук положительно отвечает на этот вопрос, поскольку «человечество должно оставаться неопределимым как носитель Образа неопределимого Бога»¹⁵.

Невозможность познания сущности человечества показывает, что предложенный ответ на вопрос, почему богословие нуждается в космологии, является недостаточным, ибо феномен человека превышает границы научного и философского и нуждается в богословском прояснении. А. Нестерук подчеркивает также, что «физика и космология нуждаются в богословии, чтобы признать, что подход ко вселенной как физическому объекту основан на событии жизни ипостасного человека, событии, которое не может быть подвержено чисто онтологическому описанию, но получает свою интерпретацию из богословия...»¹⁶ Непознаваемость человечества представляет собой главный парадокс человеческого существования, который выражен в «бескомпромиссном утверждении фактичности человеческой жизни, а с другой стороны, непостижимости этой фактичности жизни»¹⁷. Диалог между богословием и наукой, таким образом, становится попыткой найти баланс

¹³ Ibid. P. 41.

¹⁴ Ibid. P. 50.

¹⁵ Ibid. P. 52.

¹⁶ Ibid. P. 54.

¹⁷ Ibid. P. 61.

в отличии между богословием и наукой, которые представляют собой два типа отношений или два типа видения, имеющих дело с различными феноменальностями одного и того же существования. Как подчеркивает автор, «отличие между наукой (научной философией) и богословием становится отличием между двумя видами интерпретаций жизни, что являются внутренне структурированными типами веры, понимаемой как элемент человеческой жизни... Таким образом диалог между богословием и наукой оказывается бесконечным путем одного и того же бездомного ... человечества в своем поиске “твердой земли” в океане надежды»¹⁸.

Вторым важным аспектом диалога является неспособность человечества познать себя, которая в контексте богословского понимания формирует предварительное условие для действительной ограниченной познаваемости мира. Это подразумевает, что космология следует тому же апофатическому образцу объяснения, который характерен для богословской антропологии Божественного образа. Непознаваемость человечества самого по себе представляет основной парадокс человеческого состояния, который, с одной стороны, утверждает фактичность человеческой жизни, а с другой, эту фактическую непостижимость. Диалог между богословием и наукой, таким образом, становится попыткой сбалансировать эту фундаментальную дихотомию в одном и том же человечестве посредством защиты сотериологической осмысленности жизни на фоне ее космической незначительности.

В следующей главе «Непознаваемость человечества и парадокс субъективности в зарождении диалога между богословием и наукой» автор продолжает обсуждать дихотомию в человеческом состоянии через тщательный анализ т. н. парадокса субъективности, который имплантирован в саму фабрику того, что означает быть человеком. Суть этого парадокса в следующем: «Необходимо соединить признание нашей случайности, нашей конечности и нашей ограниченности в мире с амбицией трансцендентности, каким бы ограниченным ни был наш успех в ее достижении»¹⁹. Существует два аспекта этого парадокса. Во-первых, с богословской точки зрения он связан с сущностью человеческого состояния как сотворенного (а не просто с человеческим состоянием после грехопадения); во-вторых, будучи связанным с непознаваемостью человечества, этот парадокс включает феноменологическое сокрытие условий, связанных с рождением, т. е. с началом личной жизни. Хотя многие православные авторы полагают, что это является следствием падения человека, А. Нестерук полагает, что «разумно связывать падение не с некоторым конкретным историческим событием, но с некоторым качественным состоянием человечества, связанным с состоянием естественным образом эволюционирующей вселенной»²⁰. В таком случае, падение связано не со свободой человечества, но со структурой тварной Вселенной. Парадокс субъективности проявляется также в том, что, с одной стороны, непознаваемость имплантирована в условия творения и эволюции, а с другой, эта непознаваемость является «привилегией быть по Божественному образу, поскольку только обладая

¹⁸ Ibid. P. 63.

¹⁹ Ibid. P. 68.

²⁰ Ibid. P. 75.

этим образом человечество способно вообще сформулировать непознаваемость как проблему. Исходя из этого диалог между наукой (описывающей положение человека в физической вселенной) и богословием (интерпретирующим человечество как вершину творения и центр раскрытия и проявления) представляет дальнейшее детальное прояснение драмы человеческой тварности, служащей в качестве открытой герменевтики человеческого тварного состояния в общении с Богом»²¹.

Непознаваемость человека напрямую связана с предельной непознаваемостью и нашей Вселенной, о которой говорит космология: «...несмотря на факт, что физика и космология могут описать фактуальное состояние видимой вселенной в терминах наблюдаемых констант, само возникновение вселенной с такими константами не гарантируется какими-либо законами на “этой стороне вселенной”, поскольку ни начало, ни смысл начального состояния вселенной не проясняются посредством надежной и верифицируемой физики»²². В этом смысле можно сказать, что начало Вселенной непознаваемо в принципе. Более того, нетрудно показать, что непознаваемость Вселенной становится в конечном итоге эпистемологической проблемой человеческой неспособности иметь дело с теми аспектами бытия, которые вовлекают радикальную случайность: «Таким образом можно сделать вывод, что главная тема диалога между наукой и богословием есть начало человечества и вселенной, или, говоря феноменологически, начало человечества как центра раскрытия и манифестации вселенной»²³.

Ввиду того, что было сказано, диалог между богословием и наукой как таковыми представляет собой дискуссию о степени непознаваемости человека для самого себя. Космология обсуждает вопрос о том, насколько возможно раскрыть первоначальное забытое состояние Вселенной. В конечном итоге космология борется против забвения начала мира. Богословие занято тем же вопросом, но на иных экзистенциальных основаниях, сосредотачиваясь на учении о творении мира и человека, механизм которого скрыт по воле Божией. Борьба против этого забвения осуществляется в религиозной практике веры и богослужения.

Можно сказать, что вся человеческая деятельность, связанная с исследованием мира, а также попытками найти ответ на вопрос о смысле существования человечества, представляет характерную борьбу против забвения начала, успех которой может быть только эсхатологическим, когда забытое «все во всем» будет представлено в обоженном человеке²⁴. Парадокс субъективности представляет собой попытку соединить две различных феноменальности, возникающие в одном и том же живом «я», которое борется за то, чтобы выразить предельную тайну своего существования как дар Подателя Жизни. В конечном итоге А. Нестерук склоняется в пользу убеждения в том, что парадокс субъективности сопряжен с тварным состоянием человека. Как таковой парадокс выражает первичное забвение того, что человеческое сознание ставит

²¹ Ibid. P. 80.

²² Ibid. P. 82.

²³ Ibid. P. 92.

²⁴ Ibid. P. 100.

дискурсивно для самого себя как вопрос о своем начале. Это первичное забвение есть забвение самой жизни «я», которая дарована Св. Духом, Подателем Жизни. Поскольку Св. Дух не может быть представлен в категориях пространства и времени, но являет Лицо воплощенного Слова-Логоса Божия, выявление парадокса фактичности будет обращаться к архетипу человеческого состояния в воплощенном Христе. Таким образом, напряженность между двумя тезисами о парадоксе субъективности может быть «устранена» через обращение к типологии воплощенного Христа, который, будучи во плоти на Земле, остается Словом-Логосом Божиим, Творцом и устройтелем Вселенной.

Следующая глава «Диалог между наукой и богословием как открытая герменевтика человеческого состояния» посвящена выражению инкарнационного архетипа в диалоге между богословием и наукой, с целью поместить видение Вселенной в рамки этого архетипа, т.е. рассматривать Вселенную по образу образа Божия. Ключевым для этого является понимание того, что человек является человеком только в общении с Богом. «Не существует человечества как такового, лишённого инаугурационного события общения с Богом, позволяющего человечеству иметь свое будущее, то есть, жизнь»²⁵. Человечество не может ответить на вопрос о самом себе, поскольку оно не создало себя, и этот парадокс является неотъемлемой частью нашего тварного существования. Инкарнационная перспектива понимания человека предполагает, что нисхождение Бога во Вселенную предопределяет ту фактичность Вселенной, которая способствует появлению человека. Миллиарды лет эволюции представляют собой необходимые физические и биологические условия того, чтобы воплощение могло осуществиться. Это означает, что воплощение не могло быть осуществлено в произвольно выбранной Вселенной. Более того, воплощение можно назвать «глубоким», поскольку оно в конечном итоге «касается всех структурных уровней вселенной, предопределяющих ее эволюцию»²⁶. Важно также подчеркнуть, что необходимые условия сами по себе не могут обеспечить ни появления жизни, ни появления человека. Современная наука не понимает механизмов, которые запустили процессы возникновения и развития жизни на нашей планете, и не знает достаточных условий, которые необходимы для появления жизни. А. В. Нестерук подчеркивает, что достаточные условия появления жизни, человека и воплощения не находятся в причинной цепочке естественных событий²⁷. Это означает, что фактичность Воплощения не имплантирована в естественные условия мира. Человечество призвано к единству с Богом, однако осуществление такого единства требует благодати, и само достижение этого состояния возможно через Воплощение.

При этом автор проводит параллель с главной проблемой книги — диалогом науки и богословия, подчеркивая, что «смысл диалога между богословием и наукой может рассматриваться как внешнее проявление радикальной тварности человечества, борющегося со своей неспособностью контролировать свои собственные цели, а также цели мира»²⁸. Очевидно, что такой диалог

²⁵ Ibid. P. 115.

²⁶ Ibid. P. 121.

²⁷ Ibid. P. 122.

²⁸ Ibid. P. 126.

представляет собой бесконечную герменевтику тварного человеческого состояния, которая завершится только в обоженном человечестве. Однако в настоящем состоянии, подчеркивает А. Нестерук, «дихотомия между богословием и наукой является неизбежной характеристикой сотворенности человека по образу Божию, так что предполагаемое примирение богословия и науки невозможно в той же степени как преодоление онтологического различия между творением и Богом в процессе обожения»²⁹.

В следующем разделе главы А. Нестерук задает вопрос, какова предельная цель открытой герменевтики человеческого состояния в диалоге между богословием и наукой? Откуда следует необходимость такого диалога, и вопрос, какова ценность этого диалога? Обращаясь к цели диалога, или *telos*, автор подчеркивает, что цель не может быть описана как конечное состояние продолжающегося взаимодействия между богословием и наукой. Скорее она должна быть описана как вопрошание о смысле человечества, предполагающее понимание, что цель диалога не может быть достигнута на любой стадии его исторического развития. Автор полагает, что аналогично тому как смысл ипостасного единства во Христе подвержен открытой библейской и богословской герменевтике, диалог между богословием и наукой представляет открытую герменевтику ипостасного человеческого состояния: такой диалог не может надеяться примирить или объединить две феноменальности в одном и том же субъекте, т.е. никакое примирение богословия и науки невозможно, как невозможно преодолеть онтологическое различие между творением и Богом в процессе обожения.

После обсуждения в первой части антропологических мотивов диалога между богословием и наукой А. Нестерук во второй части книги — «Вселенная по образу образа Божия или человечество как ипостась Вселенной» — ставит вопрос о пределах познаваемости мира в условиях непознаваемости человечества: «Поскольку сама фактичность диалога имеет свое начало в факте человеческого существования, диалог между богословием и наукой не является де факто диалогом, но попыткой выявить человеческое парадоксальное двойственное положение между полюсом его собственной непознаваемости и знанием себя, которое приобретается через науки»³⁰. Цель этой второй части книги — представить философский анализ тех логических операций в исследовании Вселенной изнутри скрытой экзистенциальной «очевидности», являющейся существенной для всех актов сознания. Автор подчеркивает, что заинтересован не описанием того, что есть Вселенная, но исследованием того, как под влиянием Вселенной человечество создает когнитивный ответ и выражает повествование о Вселенной.

Космология, как особый способ выражения человеческой деятельности, вносит косвенный вклад в проблему конституции ипостасной материальности, т.е. личности. Личность имплицитно присутствует в вопросе о начале Вселенной, рассматриваемом в рамках богословского, философского и научного повествования о Вселенной. Автор подчеркивает, что невозможно адекватно

²⁹ Ibid. P. 128.

³⁰ Ibid. P. 160.

размышлять о творении, оставаясь в естественном отношении, поскольку любая спекуляция о творении делается при условии, что оно уже сотворено. По сути, суждение о Вселенной как творении должно быть предваряющим всякую попытку нашего целостного понимания мира. Эту позицию в своих работах с осторожностью подчеркивает А. Магкрат, когда говорит о том, что ученые должны быть открыты возможности того, чтобы рассматривать Вселенную как творение Божие, поскольку такая исходная позиция позволит им высветить те аспекты тварности, которые в противном случае ускользают от человеческого восприятия, довольствующегося исключительно данными естественных наук. А. В. Нестерук полагает, что вопрос о творении мира естественным образом связан с вечным вопросом о том, что есть человек. Поскольку никакой метафизический ответ на этот вопрос невозможен, идея творения человечества из некоторой превосходящей мир реальности представляет естественную религиозную предрасположенность. Поскольку человечество является частью Вселенной, интуиция превосходящего мир начала человечества переносится на творение мира.

Богословие и наука подходят к повествованию о творении с разных направлений. Богословие подчеркивает случайную фактичность мира, в то время как наука артикулирует необходимые условия появления мира, игнорируя достаточные условия. В этом смысле, как указывает автор, «диалог между богословием и наукой выявляет взаимодействие между самосознанием жизни и вторичной интенциональностью, направленной на условия функционирования этого самосознания в мире»³¹. А. В. Нестерук проводит также параллели между космологией и богословием в том, что «космология демонстрирует мужество и героизм ученых в стремлении изучать вселенную несмотря на то, что нет никакой надежды сделать вселенную как целое объектом науки»³². Подобное имеет место в богословии, когда верующие выражают их опыт Бога как открытый процесс в ясном понимании того, что Божественное всегда остается за пределами. Понимание смысла космологии подразумевает, что космологические теории и гипотезы могут быть интерпретированы не как суждения о внешних реалиях, но как движения человеческого разума, который отражает фундаментальное беспокойство существования. Законы физики не позволяют людям понять полностью замысел Творца. Познание Вселенной остается приблизительным и открытым, поскольку оно следует из диалектики конечных когнитивных способностей людей и бесконечности Творца, который обеспечил человека средствами познания творения. Это, по мнению А. В. Нестерука, подразумевает, что «все попытки смоделировать и выявить целостность мира, а также его граничные и начальные условия, всегда будут подразумевать обращение к трансцендентальным гипотезам, имплицитно содержащим вопросы о начале самого человечества, то есть о тайне его собственного творения»³³.

Проблему случайной фактичности творения автор считает одной из важнейших и формулирует ее в виде вопроса: чем обусловлен возраст

³¹ Ibid. P. 163.

³² Ibid. P. 166.

³³ Ibid. P. 186.

Вселенной? Этот вопрос является одним из центральных в понимании самой идеи творения, которая предполагает, что начало тварного бытия не обусловлено какими-либо факторами внутри него самого, но может быть обусловлено только факторами, находящимися вне этого тварного бытия. Размышляя над вопросом о начале Вселенной, А. Нестерук предлагает возможный синтез научного и богословского взглядов на ее происхождение, в частности, на вопрос о том, почему возраст Вселенной около 14 млрд лет, а не иначе. Современная космология, несмотря на свои попытки представить начальное состояние Вселенной посредством теорий Большого взрыва, пришла к тому же выводу, что задолго до этого был сделан философами и богословами, а именно, что «первоначальное состояние Вселенной символизирует ее единство, идентичность и тотальность, и не может быть определено в имманентных терминах; оно требует обосновывающего трансцендентного принципа, который выявляет логос творения вселенной»³⁴. И несмотря на то, что космологи предлагают всевозможные модели мультивселенной, они не являются решением проблемы случайной фактичности Вселенной. Постулирование вопроса о начале мира становится внутренним свойством человеческого существования как тварного обусловленного Богом существования. Поэтому вопрос о том, чем обусловлен возраст Вселенной, может быть интерпретирован как вопрос о человечестве во Вселенной, созданном по образу воплощенного Бога. Творение или Вселенная как целое не может быть понята в рамках естественного отношения, которое она представляет с феноменологической точки зрения. Парадокс этого естественного отношения заключается в том, что Вселенная, представленная просто как объект, так или иначе ставит перед человеком вопросы о смысле его собственного существования, т.е. вопросы, которые в конечном счете не позволяют рассматривать Вселенную просто как объект. В этом смысле космология становится подобной богословию, т.к. Вселенная как целое, как творение, представляет скорее Откровение, чем какую-либо явную метафизическую необходимость. Человек существует во Вселенной, интерпретирует ее; таким образом, Вселенная влияет на понимание человеком смысла его существования. Принадлежность Вселенной и стремление понять ее, попытки построения знания о Вселенной представляют собой усилия человечества понять смысл своего собственного существования. В этом смысле Вселенную можно назвать образом человека, поскольку вне человека Вселенная не может понять саму себя и обрести свой смысл.

С другой стороны, вне богословия творения человек не может ответить на вопрос о смысле Вселенной. То есть вне богословия воплощенного Логоса, по образу которого человечество создано, невозможно понимание смысла Вселенной. Через воипостазирование Вселенной человечество встречает ипостась Логоса, посредством Которого и через Которого все было сотворено и Чей Образ человечества христиане считают своим собственным. Следовательно, смысл Вселенной раскрывается через отношение человечества с этим Логосом, Который на некоторой стадии своего проявления нисходит в эту Вселенную физически, т.е. воспринимая человеческую природу в Свою

³⁴ Ibid. P. 220.

ипостась: «Воплощение, как непредвиденное, метафизически невозможное, невозпроизводимое, вне меры количества и качества было обновлением старого учения о том, что Бог создал вселенную, учения, ниспадающего в человеческое представление об этой вселенной до вечно проявляющего себя события, дарующего этому человечеству потенциал достичь единства с Богом...»³⁵ Творение становится не только местом воплощения, но и местом прославления Творца за его творение. Вселенная как творение конституирована по образу образа Божия, т. е. по образу того, кто одарен возможностью хвалить Бога за творение.

Автор подчеркивает двойную цель книги. С одной стороны, показать, что все образы Вселенной, будь то естественнонаучные или богословские, являются существенно антропными, поскольку они связаны с физическими и эпистемологическими условиями их построения людьми. С другой, продемонстрировать, что, поскольку основное свойство человечества есть Божественный образ, который проистекает от Воплощенного Христа, Вселенная несет в себе условия Воплощения, будучи не только эпистемологическим образом человечества, но «образом» Божественной жизни, создающим Вселенную так, чтобы Перворожденный среди людей был возможен в ней: «Космология и богословие дополняют друг друга, поскольку для того, чтобы богословствовать, необходимо существовать физически, а для того, чтобы производить знание о вселенной, необходимо артикулировать способность быть образом Божиим»³⁶.

В заключении книги автор делает ряд выводов, среди которых наиболее важными представляются следующие. Диалог между наукой и богословием характеризуется апофатизмом: всякая конкретная форма этого диалога, предполагающая конструктивное взаимодействие богословия и науки, в конечном итоге говорит нам о том, что не является предельным основанием этого диалога. Диалог между богословием и наукой не может иметь какой-либо «материальной» цели в качестве своего завершения, т. е. объединения двух феноменальностей существования в одном и том же субъекте. Дихотомия между наукой и богословием является «неизбежной характеристикой человеческой тварности, так что никакое примирение между ними невозможно в той степени, как невозможно преодолеть онтологическое различие между творением и Богом в процессе обожения»³⁷.

Диалог между наукой и богословием имеет практическую цель: всегда держать человечество в обеспокоенности его состоянием и в напоминании, что это беспокойство никогда не будет преодолено. Это беспокойство имеет духовный смысл, поскольку человечество должно быть внимательным к проблеме своего хрупкого физического существования и, в то же самое время, к данному Богом обетованию обретения его родины. Смысл непознаваемого человечества, а также смысл действительной бесконечной Вселенной может быть понят через восстановление изначально забытого представления о детях Божиих, цель которых состоит в том, чтобы вернуться в их дом в Царствии

³⁵ Ibid. P. 230.

³⁶ Ibid. P. 258.

³⁷ Ibid. P. 261.

Божием посредством пути в этом тварном космосе. Диалог между богословием и наукой представляет собой конкретный модус такого возвращения, который никогда не оканчивается и, следовательно, имеет эсхатологический смысл.

Разумеется, что даже в таком пространном обзоре книги невозможно представить весь спектр идей и размышлений ее автора о проблеме человеческого существования, тварности, смысла науки и научного поиска, а также о той жажде бытия, которая может быть удовлетворена только через причастность источнику творения – Богу. Диалог науки и богословия в современном мире осуществляется на разных уровнях от популярной апологетики до построения целостной картины их взаимосвязи и взаимоотношения, какую представил А. В. Нестерук. Разумеется, что пессимизм автора в отношении успехов текущего состояния диалога науки и богословия обусловлен тем, что по большей части этот диалог касается частных вопросов христианской апологетики и не направлен на построение некоторой целостной картины, которая бы включала глубокое феноменологическое понимание человека и его места в мире. Это, однако, не означает, что продолжающийся на различных уровнях диалог не имеет никаких целей или успехов. На пути к целостной картине понимания может быть множество вспомогательных или рабочих гипотез или моделей, маленьких успехов или целей, касающихся частных вопросов взаимоотношения богословия и науки. Задача, которую поставил перед собой профессор Нестерук, более сложная и фундаментальная: поместить текущий диалог между наукой и богословием в рамки философской герменевтики и феноменологии таким образом, чтобы сформулировать его в рамках ключевых понятий православного богословия творения, антропологии и христологии.

Эта сложная и философски глубокая книга, требующая внимательного и вдумчивого прочтения, несомненно, будет интересна всем, кто интересуется как общими проблемами взаимоотношения богословия и науки, так и конкретными вопросами православной антропологии, христологии и богословия творения.

Источники и литература

1. *Nesteruk A. V. The Universe in the Image of Imago Dei: The Dialogue Between Theology and Science as a Hermeneutics of the Human Condition. Eugene, OR, Pickwick Publications, 2022.*